

- ³⁶ Связь этих работ с теоретическими выступлениями Веселовского в целом недооценивается. Ср. утверждение Шкловского: «Мне кажется, что наиболее интересен Веселовский первого периода и Веселовский черновиков и последнего периода» (Александр Веселовский – историк и теоретик // Октябрь. 1947. № 12. С. 182). Подробнее об историко-культурном фоне и значении трудов Веселовского среднего периода см.: *Holland K. From the Prehistory of Russian Novel Theory: Veselovsky, Dostoevsky and the Modern Novel's Roots in Folklore and Legend // Persistent Forms: Explorations in Historical Poetics / Ed. I. Kliger and B. Maslov. Forthcoming.*
- ³⁷ На эту пародию указал в своей статье 1948 г. против последователей Веселовского – прежде всего против Жирмунского и Шишмарева – критик Валерий Кирпотин, бывший в тот момент правой рукой Фадеева, но вскоре и сам ставший жертвой развернутой при его участии кампании против космополитизма в литературоведении (подробнее об этом см.: *Maslov B. Comparative Literature and Revolution*): *Кирпотин В. О низкопоклонстве перед капиталистическим Западом, об Александре Веселовском, о его последователях и о самом главном // Октябрь. 1948. № 1. С. 12–14.*
- ³⁸ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1970. Т. 10. С. 405–406.

И.О. Шайтанов

**УТОЧНЕНИЯ,
НЕОБХОДИМЫЕ ПРИ НАЧАЛЕ РАЗГОВОРА**
Комментарий к статье Б.П. Маслова

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ от названия и темы статьи: хорошо, что об А.Н. Веселовском заговорили с тем, чтобы увидеть его в контексте сравнительной поэтики. Хорошо, что этот контекст взят широко – от истоков до того момента, когда возникает понятие «компаративная поэтика» (comparative poetics). Хорошо и то, что эта попытка предпринята русским ученым, работающим сейчас в системе западного университета.

Веселовский трудно возвращается в мировую науку. Я говорю, что он «возвращается», а не приходит туда, поскольку начал он, находясь в контакте не только с идеями, но и с учеными, представлявшими вершинный уровень филологии, когда она фактически рождалась. Русская филологическая школа сыграет важную роль, но вот парадокс: основоположник и родоначальник важнейших для этой школы идей остается невостребованным; школа известна мировой науке, а Веселовский вынесен за ее скобки.

Мне пришлось это ощутить в полной мере, когда в сентябре 1998 г. я был приглашен в США (Колгейт – Хэмилтон) выступить с докладом «Жанровая теория на пороге тысячелетия». Моей темой был «Жанр в исторической поэтике А. Веселовского». Веселовский настолько привлек внимание, что мне было предложено оформить доклад в виде статьи, которая предваряла публикацию одной из глав «Исторической поэтики» в английском переводе в почтенном журнале *New Literary History* – 2001 (Vol. 32, Spring). Ссылка на эту публикацию есть в статье Б.П. Маслова, но должен признаться, что надежды, будто она привлечет интерес к Веселовскому, тогда не сбылись. Жаль, поскольку в отсутствие Веселовского не только неизбежно теряются идеи, все еще ждущие своего понимания и разработки, но

смазывается перспектива и смысл становления русской филологической школы.

Вот почему тема данной статьи мне кажется чрезвычайно актуальной.

По этой же причине от идей, высказанных в статье, я хотел бы максимальной точности. Надеюсь, что это продолжающийся разговор, а неточности, допущенные при начале, дают все возрастающее отклонение при продолжении, а потому особенно опасны.

Б.П. Маслов предполагает выстроить «контекст сравнительных дисциплин» с опорой на две точки: «Компаративная поэтика» (1990) Эрла Майнера и деятельность Х. Штейнталя, чьи лекции слушал Веселовский в Германии в начале 1860-х годов. Они тогда произвели сильное впечатление на русского ученого. Таким образом, контекст раздвинут в огромном историческом пространстве. Чтобы он не поплыл, нужно держать в поле зрения какие-то убедительные координаты, позволяющие проводить сопоставление и обнаруживать достаточное схождение идей для согласия или спора. Сразу скажу, что подобной выверенности в данной работе я не встретил. Попробую, не вдаваясь в полемику по отдельным вопросам, показать, почему контекст не удалось корректно реконструировать.

Прежде всего этого не произошло по той причине, что первое и ключевое слово, вынесенное в заглавие статьи, возникает от случая к случаю и не становится руководящей идеей, теряя свою силу по ходу рассуждения.

Начнем с Майнера и его книги. Здесь «сопоставительная поэтология» предложена с проблемным уточнением: Восток и Запад. В этой части речь, действительно, идет о поэтике – о мимесисе, лежащем в основе западного понимания искусства, и о проблеме отсутствия этой идеи для восточного сознания. Вывод первой части касается того, что, идя от оценки Востока, Майнер положил в основу своей поэтики и что оказалось в принципе далеко от Веселовского:

во-первых, преимущественное внимание к эксплицитной поэтике (история литературы трактуется как история идей о литературе);

во-вторых, презумпция имманентности литературного ряда, который почти не соотносится с историей культуры и историей общества; в-третьих, размежевание фольклора и литературы как двух разнородных явлений.

Есть смысл сопоставлять идеи, лишь признавая за ними равноправие, обусловленное степенью разработанности и доказательности. Нет смысла спорить, «имманентен» ли литературный ряд для Майнера, не сказав о том, как далеко он продвинулся в понимании законов имманентности. Главное отличие книги Майнера, написанной спустя сто лет после того, как Веселовский начал последовательную разработку исторической поэтики, в том, что она выглядит несопоставимо более наивной и предварительной, чем теория русского ученого. Да, Веселовский, безусловно, соотносит литературный ряд с историей культуры, но и литературный ряд в его имманентности он разрабатывает таким образом, что способен предварить и Проппа, и формалистов.

Это конструктивное и ценностное различие двух поэтик не выявлено, сопоставление ведется по линиям, уводящим от системного понимания. Скажем, третьим пунктом поэтики Майнера предложено отношение к фольклору, разное в американской и русской школе. Но разве отношением к фольклору принципиально отмечена поэтика Веселовского? Его интересовал в данном случае не фольклор, а возможность реконструировать момент рождения словесного искусства и проследить его развитие в присущих ему формах и формулах. Он ведет поэтику из глубины языка, демонстрируя функциональное различие ее родовых форм, на традиционно (по-аристотелевски) принятом подразделении которых (эпос – лирика – драма) строит свою книгу Майнер.

Вероятно, если и возможно корректное сопоставление поэтик Веселовского и Майнера, то с выводом об их несопоставимости по способу построения и по достигнутому результату.

У Майнера лучшее – намерение, породившее термин *comparative poetics*. Его книга завершает (по крайней мере, по намерению) усилия американской школы компаративистики в ее 30-летнем противостоянии с французской школой. И в этом смысле

от нее можно было бы ожидать куда большего – но, увы, идея компаративной поэтики была высказана уже в чуждом и даже враждебном ей контексте – в 1990 г., когда постструктуралистский теоретизм (волна которого пришла в США из той же Франции) отменил идею поэтики и занятие ею. В лучшем случае занялись (подхватив термин Лотмана) «поэтикой культуры».

Так что книга Майнера – драматический образец того, как мысли договариваются, утрачивая свою актуальность и не обретая глубины. Веселовский в этом смысле оказался гораздо счастливее, пусть и не в смысле признания его личных заслуг, но в продуктивности идей ученого, мощно подхваченных и получивших продолжение.

Сопоставление поэтик не получилось убедительным и по тому, что не был принят во внимание контекст их возникновения, а, как известно, сопоставление вырванных из контекста явлений не дает достоверного результата. Это едва ли не основной закон компаративного исследования.

Вторая половина статьи в этом смысле выгодно отличается от первой – попыткой подробной реконструкции интеллектуального контекста, по крайней мере – для поэтики Веселовского. Но здесь сразу обращает на себя внимание тот факт, что собственно «поэтика» исчезает из поля зрения, растворяется в контексте, а сопоставление Веселовского со Штейнталем ведется по линии противопоставления идеализма (Штейналь) – позитивизму (Веселовский).

Позитивизм сегодня – слово с очень смутным значением, чаще всего звучащее в качестве приговора, который все же требует обоснования, а оно ускользает в слишком общих оппозициях (те же – идеализм и позитивизм). Не приближает к пониманию и обычный шибболет для установления позитивизма – вопрос: «Вы верите в прогресс?» Между «да» и «нет» располагается столь обширное интеллектуальное поле, что и те, кто верят, не обязательно отмечены позитивистским клеймом, а уж те, кто (как Веселовский или Тынянов) верят в то, что *история – динамическая конструкция*, только по недоразумению могут быть сочтены позитивистами. И, предположим, назовем мы их пози-

тивистами (как порой и делают), что это даст и объяснит? Ничего, даже в смысле того, кто такой позитивист.

Мысль ученого следует рассматривать в том понятийном ряду, в котором он работает. Для Веселовского, чтобы сопоставить его со Штейнталем, вероятно, следовало рассмотреть понятие, которое русский ученый, действительно, подхватывает у своего немецкого лектора, – «историческая эстетика». Но его собственная научная цель в тот момент – создание «истории литературы как науки»...

Вот, казалось бы, мы и пришли к тому, в чем нас хотел бы убедить Б.П. Маслов: Веселовский попадает под влияние идеализма (постромантическая эстетика), но спасается от него в позитивистской деятельности по документальному собиранию «истории литературы».

Опровержение этой схемы заложено в понятии, которое принято как ключевое в названии статьи, но которое в самой статье постепенно сходит на нет, – поэтика. Она никак не находит себе места в противостоянии идеализм–позитивизм. Цель создания «исторической поэтики» – а именно на этот замечательно (оксюморонно) составленный им термин Веселовский заменит штейнталевскую «историческую эстетику», – так вот, цель создания поэтики никак не укладывается в представление о позитивистском понимании науки.

Позитивистски мыслящий век в принципе не приемлет такой задачи, о чем прекрасно свидетельствует приведенная Б.П. Масловым пародия, принадлежащая перу М. Салтыкова-Щедрина и, вероятно, имеющая своим объектом Веселовского. Жаль только, что пародия приведена, но не откомментирована. Она осталась забавным ходом в сторону, еще далее уводящим от разговора о поэтике, хотя могла бы изящно вернуть к нему и к позитивизму, апологом которого якобы до конца оставался А.Н. Веселовский.

В заключение скажу об источнике текста, избранного автором статьи:

В центре внимания в дальнейшем – студенческие «отчеты» Веселовского, написанные им в 1862 и 1863 гг., в то время, когда он жил идеями, воспринятыми во время учебы в Берлине.

Однако два последних из пяти «отчетов» написаны в Праге... Предсказуемая неточность, поскольку Б.П. Маслов цитирует по перепечатке «Исторической поэтики» 1940 г., увидевшей свет в 2004-м, где (в отрывках) приведены тексты лишь двух (из пяти!) отчетов, оказавшихся «в центре внимания» автора. В процессе цитирования он, правда, спохватывается и делает дополнительную сноску:

Очерки публиковались в Журнале Министерства Народного Просвещения в 1863 и 1864 гг. Оригинальные публикации доступны в сети: <http://lucian.uchicago.edu/blogs/historicalpoetics/bibliography/>; переизданы в: *Веселовский А.Н. Избранное: на пути к исторической поэтике*. М.: Автокнига, 2010. С. 39–76. Частично они были включены Жирмунским в классическое издание «Исторической поэтики» (М.: Худ. лит., 1940; Переизд.: М.: УРСС, 2004); ссылки на страницы приводятся в тексте статьи по последнему изданию как наиболее доступному.

Очень странное и неприемлемое для академического разговора пояснение – «как наиболее доступному». Вот и оказалось, что большая часть текста Веселовского, положенного в основу данной статьи, оказалась недоступной и легко оставленной за рамками рассмотрения, о чем и свидетельствует забвение о Праге, еще одном месте европейского ученичества Веселовского.

Повторяю, что, как и обещал, я не касаюсь отдельных вопросов (их упомянуто очень много), но оцениваю лишь то, в какой мере корректно и точно выстроен контекст предложенной проблемы.

ПЕРЕВОДЫ